

ОСНОВАНИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ИНСТИТУТА ВОЗВРАЩЕНИЯ СУДОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Балакшин Виктор Степанович

Профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, ORCID: 0000-0001-2345-6789, e-mail: balacshin.viktor@yandex.ru.

Исправление ошибок, допущенных как на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, так и при рассмотрении уголовных дел судами, – это не прихоть следователя, прокурора, судьи, других участников со стороны защиты или обвинения. Это общепризнанная обществом и государством необходимость. Избежать ошибки невозможно в любой сфере человеческой жизни. Это относится и к уголовному процессу. Одним из институтов, позволявших с соблюдением прав и интересов участников процесса исправлять немало ошибок, являлся институт возвращения уголовных дел судом прокурору для производства дополнительного расследования. Однако в действующем с 1 июля 2002 г. УПК РФ данный институт не был предусмотрен. По этой причине возник ряд проблем, которые не решены до настоящего времени. В статье дается анализ этих проблем, рассматриваются основные причины их возникновения, вносится очередное предложение о возрождении в уголовном процессе России указанного института.

Ключевые слова: досудебное и судебное производство, предварительное расследование, нарушения, дополнительное расследование, основания для производства дополнительного расследования

Для цитирования: Балакшин В. С. Основания возрождения института возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 3. С. 18–27. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_18.

GROUNDS FOR THE REVIVAL OF THE INSTITUTION OF THE COURT'S RETURN OF A CRIMINAL CASE FOR ADDITIONAL INVESTIGATION

Balakshin Viktor

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0001-2345-6789, e-mail: balacshin.viktor@yandex.ru.

Correcting mistakes made both at the pre-trial stages of criminal proceedings and during the consideration of criminal cases by the courts is not a whim of the investigator, prosecutor, judge, other participants on the part of the defense or prosecution. This is a necessity universally recognized by society and the state. It is impossible to avoid mistakes in any area of human life. This also applies to criminal proceedings. One of the institutions that allowed correcting many mistakes while respecting the rights and interests of the participants in the process was the institution of returning criminal cases by the court to the prosecutor for additional investigation. However, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which has been in force since July 1, 2002, did not provide for this institution. For this reason, a number of problems have arisen that have not been resolved to date. The article analyzes these problems, main causes of their occurrence are considered, another proposal is made to revive this institution in the criminal process of Russia.

Key words: pre-trial and judicial proceedings, preliminary investigation, violations, additional investigation, grounds for additional investigation

*For citation: Balakshin V. (2024) Grounds for the revival of the institution of the court's return of a criminal case for additional investigation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 18–27, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_3_18.*

Одним из камней преткновения, рожденных Уголовно-процессуальным кодексом РФ, принятым в 2001 г. и введенным в основной своей части в действие с 1 июля 2002 г., явился институт возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования. Ученые и практики диаметрально противоположно оценили инициативу разработчиков и законодателя, в целом отменивших данный институт. Некоторые посчитали такое решение одним из достижений демократических идей, отказом от, как они выражались, инквизиционной модели российского уголовного процесса¹. Этой точки зрения отдельные авторы придерживались и далее. Например, по мнению А. А. Козьявина, «...разработчики УПК РФ в 2002 г. упразднили институт возвращения уголовных дел на дополнительное расследование, разрешив таким образом противоречие между научным взглядом на то, как должен поступить суд при недостаточности доказательств виновности подсудимого (его следует оправдать), и правоприменительной практикой, когда суд не брал на себя смелость выносить оправдательный приговор, а предоставлял „второй шанс“ стороне обвинения, часто, кстати, бесполезный шанс»².

Однако практика применения уголовно-процессуального закона недвусмысленно свидетельствовала о том, что отмена указанного института – решение поспешное, непродуманное, порождающее процессуальные тупики, более того, в отдельных ситуациях вынуждающее суды принимать заведомо незаконные решения. При этом законодатель не учитывал, что в такой сфере общественно-правовых отношений, как уголовное судопроизводство, ошибки были, есть и будут. А если это так, то должны быть и средства их исправления. Как отмечал еще до принятия УПК РФ, в период обсуждения данной проблемы В. А. Кобзарь, основываясь на богатом личном опыте практика и ученого, «...в любой отрасли человеческой деятельности предусмотрены механизмы исправления возможных ошибок. Там, где принимаются особо ответственные решения, влияющие на судьбы многих людей, существуют **дублирующие** (выделено нами. – В. Б.) системы профилактики ошибок и устранения их последствий. Непонятно, почему же в сфере уголовного судопроизводства, одной из ответственных отраслей человеческой деятельности, где предусмотрены контрольные стадии проверки законности постановленных решений, учреждается положение, при котором ошибки одной из сторон процесса, безусловно влияющие на законность решения, исправлению не подлежат»³.

Ни разработчики, попавшие под гипноз англосаксонской модели, ни законодатель не захотели услышать мнение названного ученого и других, объективно оценивающих ситуацию, и реально посмотреть на очевидные вещи.

Проблемы обнажились сразу после введения в действие закона. Как впоследствии справедливо заметила О. А. Волторнист, «необходимость корректировки оснований возвращения судом уголовного дела прокурору диктовалась и потребностями правоприменительной практики. Так, в случаях выявления в судебном разбирательстве неправильной квалификации органами расследования верно установленных фактических обстоятельств суды оказывались в весьма затруднительном положении. Правовая неопределенность в этом вопросе приводила к тому, что одни суды в данной ситуации возвращали дело прокурору для уточнения квалификации содеянного, другие – при обнаружении аналогичного нарушения, выразившегося в неправильном применении закона, с учетом требований ст. 252 УПК РФ о недопусти-

¹ См., например: *Вичин С.* Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // *Российская юстиция.* 2003. № 6. С. 55; *Гаврилов Б. Я.* Возврат к институту доследования: за и против // *Уголовный процесс.* 2005. № 2. С. 28–29 и др.

² *Козьявин А. А.* Теория и практика отправления правосудия по уголовным делам и их оксиологическое противоречие // *Мировой судья.* 2011. № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ *Кобзарь В.* Отказ прокурора от обвинения // *Законность.* 2001. № 4. С. 25–26.

мости изменения в суде обвинения, если этим ухудшается положение подсудимого, рассматривали уголовное дело по существу и выносили итоговое решение в рамках обвинения, предъявленного органами расследования. Однако неукоснительное соблюдение в этом конкретном случае положений ст. 252 УПК РФ о пределах судебного разбирательства, по сути, превращало приговор в противоречивый акт, не отвечающий требованиям законности, обоснованности и мотивированности»¹. Вывод о необходимости реанимации института дополнительного расследования сделала К. А. Трифонова по итогам своего диссертационного исследования. «Анализ развития и становления института возвращения уголовного дела на дополнительное расследование, – считает она, – позволяет говорить о преждевременном исключении, без учета объективных потребностей правоприменительной практики, исторически сложившихся оснований дополнительного расследования, изложенных в ст. 232 УПК РСФСР 1960 г. Необходимо их восстановление в тексте закона и дальнейшее совершенствование на основе дифференциации инициативы сторон по возвращению уголовного дела из судебных стадий с учетом современных реалий состязательного уголовного процесса»².

Эти и другие обстоятельства не могли не изменить уже более существенно правовую позицию Конституционного Суда РФ, ранее придерживавшегося позиции о недопустимости возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования по инициативе суда, изложенную в постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П. В данном постановлении Конституционный Суд указывал: «Положения ст. 232 и 258 УПК РСФСР, предусматривающие направление судом находящегося в его производстве уголовного дела для дополнительного расследования ввиду его неполноты, противоречат также ст. 46 (ч. 1) и 52 Конституции Российской Федерации, поскольку создают возможность отказа гражданину в эффективном восстановлении его прав судом, не обеспечивая ни обвиняемым в совершении преступлений, ни потерпевшим от преступных действий доступ к правосудию в разумный срок. Более того, рассмотрение дела судом вообще может не состояться, поскольку действующее уголовно-процессуальное регулирование допускает прекращение уголовных дел в ходе дополнительного расследования». Подобной позиции придерживаются отдельные ученые до настоящего времени. Например, М. С. Матейкович утверждает, что возврат уголовного дела на дополнительное расследование ставит в затруднительное, а зачастую и безвыходное положение органы расследования и прокуратуры, поскольку восполнить неполноту расследования невозможно в силу объективных обстоятельств. Кроме того, суд, возвращая дело на дополнительное расследование, уходит от ответственности за принятие решения и необоснованно перекладывает эту обязанность на прокурора и следственные органы»³.

Своего рода переломным моментом в решении затронутых в данной статье проблем явилось постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда»⁴. В этом постановлении Конституционный Суд вплотную приблизился к тому, чтобы вернуть институту дополнительного расследования пусть не в полном объеме, но в принципе статус легитимного. Он признал не соответствующей Конституции ч. 1 ст. 237 УПК РФ в той мере, в какой положения данной нормы в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с ч. 2 ст. 252 УПК, исключают в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, не соответствующую Конституции, так как препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические об-

¹ Волторнист О. А. Трансформация института возвращения уголовного дела прокурору // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4. С. 54–55.

² Трифонова К. А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 9.

³ Матейкович М. С. Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 30.

⁴ Российская газета. 2013. 12 июля.

стоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте (постановлении), свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Необходимо отметить, что такой вывод Конституционный Суд РФ сделал не сразу. Потребовалось более десяти лет, чтобы на базе конкретных следственных и судебных ситуаций, свидетельствующих о грубейших нарушениях конституционных прав как обвиняемых, подсудимых, так и потерпевших, Конституционный Суд все-таки пришел к выводу о необходимости комплексно, во взаимосвязи с требованиями уголовного и уголовно-процессуального закона, норм и принципов международного права, разрешать вопросы, касающиеся конституционности норм УПК РФ, блокирующих возвращение судом уголовных дел прокурору для устранения нарушений закона, препятствующих рассмотрению уголовного дела по существу с принятием законного и обоснованного судебного решения. Вызывали недоумение ситуации, когда применение норм уголовно-процессуального закона блокировало нормы Уголовного кодекса РФ или не до конца продуманный принцип состязательности сторон. Поэтому вывод, сделанный в указанном постановлении Конституционного Суда, следует признать объективно учитывающим жизненные ситуации.

Сделан в названном постановлении и еще один вывод, на наш взгляд, концептуального характера, призванный напомнить всем исследователям, ради чего принималась Концепция судебной реформы, почему в ст. 1 Конституции РФ провозглашено, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство. Автор на данное обстоятельство уже обращал внимание¹, но позволит себе напомнить об этом еще раз. Мы имеем в виду положение суда в государстве, которое должно учитываться при разработке и принятии любой нормы закона, в том числе норм УПК РФ. Суть его в том, что «безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны»².

В связи с этим нет оснований полностью соглашаться с А. В. Смирновым, утверждающим, что «вряд ли можно считать разумным с точки зрения основ правосудия, когда сторона, виновная в нарушении своих процессуальных обязанностей и не доказавшая обвинения в установленной законом форме, вместо наказания за это получает от суда шанс повторить неудавшуюся попытку еще и еще раз». Хотя, продолжает названный автор, «...именно сторона обвинения в силу закона несет бремя доказывания виновности, т. е. тяжесть неблагоприятных последствий ее недоказанности! Где же эти неблагоприятные последствия, если нерадивому обвинителю суд будет назначать „перезамену“ до тех пор, пока он наконец не преуспееет в уголовном преследовании хотя бы на „удовлетворительно“? Следует указать и на то, что подавляющее большинство демократических государств обходится без инквизиционного института дополнительного расследования»³. Да, действительно, обходятся. Но только те, в судопроизводстве которых, как правило, отсутствуют досудебные стадии и в уголовном процессе которых доказательства собираются, формируются сторонами и представляются непосредственно в суд. Если, конечно, не вести речь о так называемых сделках о признании вины. Поэтому, что касается государств, в которых нет данного института, то довод, приведенный указанным автором, – это не аргумент. Ибо у них, во-первых, другой исторический тип уголовного процесса. А во-вторых, как минимум некорректно причислять все случаи применения института дополнительного рассле-

¹ Балакшин В. С. Институт направления уголовных дел для производства дополнительного расследования: аргументы «за» и «против» // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 617.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П.

³ Смирнов А. В. Состязательные и инквизиционные элементы в современном уголовном процессе постсоветских государств Среднеазиатского региона (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан) // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дования к тем, которые являются следствием действий нерадивого обвинителя. Кто расследовал хотя бы одно уголовное дело, тот хорошо понимает, что уголовные дела различаются по многим параметрам. Эти обстоятельства в статье невозможно перечислить, настолько по-разному складываются обстоятельства при расследовании уголовного дела. Из практики реализации данного института известно, что некоторые уголовные дела приходилось не один раз возвращать для производства дополнительного расследования, в том числе по причине того, что только в суде выяснялись обстоятельства, которые затем органам предварительного расследования позволяли установить обстоятельства так, как они имели место в действительности, установить лиц, действительно виновных в совершении преступления, и постановить законный и обоснованный приговор. В этом можно убедиться, обратившись к примерам из судебной практики в период действия исследуемого института.

Так, Томским областным судом в 1974 г. Фомченков был осужден к лишению свободы за совершение нескольких преступлений, в том числе по пп. «а» и «в» ст. 102 УК РСФСР за совершение умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в кассационном порядке 8 октября 1975 г. приговор отменила, а дело направила для производства дополнительного следствия, усомнившись в обоснованности осуждения Фомченкова. В процессе дополнительного расследования были установлены иные лица, виновные в совершении преступлений, которые инкриминировались Фомченкову. В отношении последнего уголовное дело было прекращено¹. Посредством реализации норм данного института устранялись существенные нарушения, допущенные должностными лицами органов предварительного расследования в отношении иных участников уголовного процесса. На основе полученных материалов решался вопрос о привлечении их к ответственности, в том числе к уголовной.

Следователь Русско-Полянского РОВД Ч., расследуя уголовное дело по обвинению Черешнева и других в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 144 УК РСФСР, из личных побуждений внес в официальные документы этого дела заведомо ложные сведения. «Допущенная следователем Ч. фальсификация основных процессуальных документов была выявлена в ходе судебного разбирательства. Это послужило основанием для возвращения дела на дополнительное расследование и возбуждения судом в отношении Ч. уголовного дела по ст. 175 УК РСФСР». Несмотря на то что Павлоградским районным судом Ч. был оправдан по ст. 175 УК РСФСР за отсутствием состава преступления, Омский областной суд данный приговор оставил в силе. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указанные решения по протесту заместителя Генерального прокурора РФ отменила и дело направила на новое судебное рассмотрение². Таким образом, и данные вопросы нередко решаются посредством реализации норм института возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования. Между тем действующий УПК РФ такой возможности суду, прокурору и органам предварительного расследования не предоставляет.

Анализ постановления Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П позволяет сделать вывод, что к настоящему времени ситуация с проблемой исправления ошибок, допущенных как органами предварительного расследования, так и судами, существенно изменилась. Изменилась в сторону расширения возможностей исправления ошибок и недостатков, допущенных прежде всего органами предварительного расследования. Однако данная проблема должна быть решена законодательно в полном объеме, объективно, на основе реальных условий правоприменительной практики и с учетом обоснованных, продуманных предложений, вносимых учеными и практическими работниками.

Например, следует обратить внимание на, представляется, убедительное обоснование необходимости возврата в закон и правоприменительную практику института возвращения уголовных дел для дополнительного расследования судом, изложен-

¹ Судебная практика к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М.: Спарк, 2005. С. 321–323.

² Из практики прокурорского надзора: По уголовным делам. Необоснованный оправдательный приговор отменен по протесту прокурора // Законность. 1999. № 1. С. 60–62.

ное В. П. Божьевым. При этом, по его мнению, необходимо дифференцировать возвращение уголовного дела прокурору, с одной стороны, действительно для устранения препятствий его рассмотрения судом, а с другой – для производства дополнительного расследования. «Совершенно очевидно, – пишет он, – что положения п. 1.2 ч. 1 ст. 237 УПК РФ нельзя воспринимать упрощенно и дословно. Чтобы выполнить данные на их основе установки, необходимо провести ряд следственных действий: вынести постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого; осуществить это мероприятие, обеспечив участие защитника и разъяснив права обвиняемому; зафиксировать все это в протоколе; допросить лицо в качестве обвиняемого; разрешить ходатайства обвиняемого и его защитника и т. п. Как видим, – подводит итог ученый, – речь идет о новых, дополнительных следственных действиях. Практически их невозможно воспринимать, а тем более реализовать, иначе как путем проведения дополнительных следственных действий в рамках возобновленного расследования, так как имеет место не просто замена одного документа другим, а проведение предписанных законом следственных действий в порядке, предусмотренном УПК РФ»¹.

Доводы, приведенные В. П. Божьевым, очевидны, особенно для практических работников. К ним можно и нужно добавить и то обстоятельство, что при выполнении указанных следственных и иных процессуальных действий ни следователь, ни кто-либо другой не может предугадать, как «повернется» ситуация, например, при допросе обвиняемого при предъявлении нового обвинения. Не исключены ситуации, когда обвиняемый может назвать соучастников или привести данные, указывающие на то, что он вообще не причастен к каким-то эпизодам преступной деятельности. Эти данные между тем необходимо тщательно проверять. Вопрос: как? Ответ в общем-то прост: посредством производства всех необходимых следственных и иных процессуальных действий. Однако многие авторы, к сожалению, не задаются этим вопросом. Что может повлечь за собой предъявление нового обвинения, а возможно, привлечение в качестве обвиняемых иных лиц, ранее не привлекавшихся? Это необходимость производства ряда следственных и иных процессуальных действий, включая принятие соответствующих решений. Не исключено, что новое обвинение приведет к изменению подсудственности уголовного дела. А в этой ситуации однозначно не может быть и речи об устранении препятствий рассмотрения уголовного дела судом. В ней (ситуации) работать может только институт дополнительного расследования. Поэтому подводить сказанное под понятие «устранение препятствий для рассмотрения уголовного дела судом» – значит, просто говоря, заниматься лукавством, уходить от назревшей необходимости решить данную проблему в соответствии с требованиями юридической техники и здравого смысла.

Если этого не делать, то органы расследования оказываются в жестком процессуальном тупике. Каком – надеемся, понятно. Об этом автор статьи уже писал², но приведем доводы еще раз. Почему следователь, дознаватель могут оказаться в такой ситуации? А по той причине, что если строго руководствоваться нормами действующего УПК РФ, то проверять позицию обвиняемого нельзя, перепредъявлять обвинение с учетом новых обстоятельств запрещено, ибо допускается обвинение формулировать только исходя из обстоятельств, указанных в решении суда о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его (дела) рассмотрения судом. Таким образом, возникает непростой вопрос: как поступать в таких ситуациях «независимому» следователю? Выходить за рамки норм закона? К сожалению, в сложившейся ситуации другого варианта уголовно-процессуальный закон не предусматривает.

Между тем, исследуя данную проблему, ошибочно обойти еще два вопроса. Пожалуй, еще более серьезные, чем рассмотренные. Как пишет В. Ю. Стельмах, «для решения данного пробела (возвращения института дополнительного расследования. – *Пояснение автора*) необходимо проанализировать, как минимум, два вопроса. Во-первых, следует понять, насколько конституционна сама возможность возвращения из суда дела для проведения по нему каких-либо дополнительных процессуаль-

¹ Божьев В. П. П. А. Лупинская о доказывании и принятии решений по уголовным делам // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д. ю. н., профессора Полины Абрамовны Лупинской. М.: Элит, 2011. С. 6–7.

² Балакшин В. С. Исправление ошибок в уголовном судопроизводстве // Законность. 2023. № 4. С. 63–64.

ных действий. Во-вторых, каковы в настоящий момент полномочия прокурора и органов предварительного расследования по направленному им судом делу»¹.

Принципиальный ответ на первый вопрос был дан еще в 1999 г. Конституционным Судом РФ. Как было отмечено ранее, в постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции нормы УПК РСФСР, в которых предусматривалось право суда по своей инициативе возвращать уголовное дело, во-первых, для производства дополнительного расследования, во-вторых, для восполнения неполноты расследования. Что касается принятия таких решений судом по инициативе сторон и не для восполнения неполноты расследования, а по другим причинам, то оспариваемые нормы признавались соответствующими Конституции РФ. По каким причинам разработчики УПК РФ и затем законодатель изъяли данный институт из закона, можно объяснять по-разному. Возможно, под влиянием идеалистических настроений, сформировавшихся на базе западных идей о полной и безусловной состязательности в уголовном судопроизводстве. Или же из-за представления о новой роли суда при рассмотрении уголовных дел. Не исключаем и воздействие распространившегося в тот период мнения о том, что возвращение уголовного дела из суда органу предварительного расследования означает двойную ответственность обвиняемого.

Анализируя данное обстоятельство, В. Ю. Стельмах, представляется, обоснованно, пишет: «Этот аргумент не выдерживает критики. Безусловно, что двойная ответственность невозможна. Однако об этом в случае возврата уголовного дела для дополнительного расследования не идет и речи. Двойная ответственность наступала бы в том случае, когда лицо было один раз осуждено за совершение конкретного преступления, получило уголовное наказание, после чего без отмены этого приговора был бы вынесен еще один приговор за то же самое деяние, и по этому приговору лицу было бы назначено еще одно наказание. Возврат уголовного дела для дополнительного расследования, напротив, предпринимался, чтобы не допустить осуждения обвиняемого за то деяние, которое он фактически не совершал. Уголовное дело возвращалось, когда никакого обвинительного приговора не постановлялось...»²

Здесь следует уточнить, что уголовные дела для производства дополнительного расследования по УПК РСФСР могли возвращаться и из кассационной, и из надзорных инстанций после отмены обвинительных, оправдательных приговоров, решений о прекращении уголовного дела. Однако в любом случае ни о какой двойной ответственности речи быть не могло в принципе. Таким образом, принципиального запрета для возрождения анализируемого института в российском уголовном процессе нет.

Важный дополнительный вопрос состоит в том, не будет ли нарушением Конституции РФ предоставление суду полномочий возвращать уголовное дело для производства дополнительного расследования по инициативе самого суда. Отчасти ответ на него содержится в названной выше статье О. В. Волторнист³. Конституции противоречат нормы, предписывающие суду принимать заведомо незаконные решения не вследствие допущенной ошибки, а в силу следования предписаниям таких норм. Следует более тщательно проанализировать сформировавшийся в период принятия УПК РФ вывод о том, что возвращение уголовного дела судом по своей инициативе для дополнительного расследования с целью восполнения неполноты расследования – это проявление обвинительного уклона. Данное умозаключение весьма и весьма сомнительно только потому, что его авторы не задались вопросом о том, по каким причинам суд может и должен принимать такое решение, не попытались, исходя из имеющейся следственно-судебной практики, составить примерный перечень реальных ситуаций, которые не оставляют суду иного решения, кроме как вернуть уголовное дело прокурору для производства дополнительного расследования. Так, на одном из обсуждений введенного в действие УПК РФ с коллегами из Свердловской областной прокуратуры возник вопрос, как должен поступить суд, если лицо, совершившее убийство, и лицо, совершившее укрывательство преступления, на стадии

¹ Стельмах В. Ю. Возрождение института возвращения судом уголовного дела на доследование: плюсы и минусы // Проблемы оптимизации уголовно-процессуальной деятельности в современных условиях: материалы науч.-практ. конф. (22–23 марта 2024 г.). Екатеринбург, 2024. С. 246.

² Там же. С. 246–247.

³ Волторнист О. В. Указ. соч.

предварительного расследования по взаимной договоренности «поменялись» ролями. В суде это обстоятельство было установлено, совокупность доказательств дает основания осудить обоих, но поменяв их местами. Согласно УПК РСФСР для этого суд обязан был возвратить дело для дополнительного расследования с тем, чтобы первому лицу предъявить обвинение в совершении укрывательства тяжкого преступления, а второму – в совершении убийства. Между тем УПК РФ этого не допускал. В результате суд оказался бы при таком раскладе в тупиковой ситуации, когда любое решение (оправдание, осуждение за менее тяжкое преступление) являлось бы явно незаконным. Можно приводить и другие аналогичные ситуации. С учетом этого можно сделать вывод, что поспешные, не изученные и не проанализированные законодательные решения, пусть даже оправдываемые демократическими замыслами, не должны идти против здравого смысла и других норм, которые не позволяют их применять вопреки требованиям Конституции. Например, требованию, согласно которому осуществление прав и свобод одного человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции). А именно такие ситуации во многих случаях возникают, когда в современном уголовном судопроизводстве отдается приоритет защите прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, но не потерпевшего.

Сказанное содержит ответ на вопрос и умозаключение А. В. Смирнова о том, почему в нашей смешанной модели уголовного процесса необходим институт возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования. Здесь, однако, закономерно напрашивается и основной, почти наивный вопрос: почему законодатель и Конституционный Суд, несомненно не исключая названных и им подобных ситуаций в правоприменении и фактически перешагнув через планку, называемую не совсем понятным для многих определением «возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом», о чем автор писал ранее, до настоящего времени не восстановили в своих правах институт дополнительного расследования?¹ Не возродили именно в случаях, когда он работает и не может и не должен подменяться тем институтом, у которого другое процессуальное предназначение.

С учетом изложенного, представляется, для нормативного возрождения и практического применения института возвращения судом уголовного дела с целью производства дополнительного расследования имеются достаточные основания. При этом следует разграничить и нормативно закрепить, с одной стороны, основания для возвращения уголовного дела прокурору с целью устранения препятствий рассмотрения данного дела судом, а с другой – основания возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования. И здесь нужно рассмотреть другой вопрос, затронутый В. Ю. Стельмахом: каковы в настоящий момент полномочия прокурора и органов предварительного расследования по направленному им судом делу для производства дополнительного расследования? Таковые, как отмечает названный автор, действительно в УПК не предусмотрены. Для решения данной проблемы имеются достаточные основания предложить дополнить ст. 221 УПК РФ частью 6, в которой предусмотреть полномочия прокурора по уголовному делу, возвращенному ему судом по основаниям, указанным в ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса и ст. 237-1, которой дополнить действующий закон в следующей редакции:

«Статья 237-1. Возвращение уголовного дела прокурору для организации производства дополнительного расследования

1. Суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для организации производства дополнительного расследования в случаях:

1) неполноты и (или) необъективности произведенного дознания или предварительного следствия, которые не могут быть восполнены и устранены в судебном заседании;

2) существенного нарушения уголовно-процессуального закона, исключающего возможность постановления судом законного и обоснованного приговора или иного судебного решения;

¹ Балакшин В. С. Исправление ошибок в уголовном судопроизводстве. С. 64.

3) наступления после направления уголовного дела в суд новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления;

4) наличия оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении;

5) наличия оснований для уголовного преследования по данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы уголовного дела в отдельное производство;

6) наличия предусмотренных настоящим Кодексом оснований для соединения данного уголовного дела с другими уголовными делами, если их раздельное рассмотрение в судебном заседании невозможно.

2. При возвращении уголовного дела прокурору судья решает вопрос о мере пресечения в отношении обвиняемого. При необходимости судья продлевает срок содержания обвиняемого под стражей для производства следственных и иных процессуальных действий с учетом сроков, предусмотренных статьей 109 настоящего Кодекса».

Соответственно редакцию ст. 237 УПК изменить с учетом требований, предусмотренных в предлагаемой ст. 237-1.

В заключение хотелось бы отметить, что решение вопроса о судьбе института возвращения судом уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования следует исследовать глубоко и всесторонне, оценить все «за» и «против», преломляя их не только через призму принципа состязательности сторон, обеспечения права на защиту только стороны защиты, но и через принцип неотвратимости наказания, обеспечения самостоятельности и независимости суда, необходимости постановления законных и обоснованных судебных решений.

Список литературы

Балакшин В. С. Институт направления уголовных дел для производства дополнительного расследования: аргументы «за» и «против» // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 610–618.

Балакшин В. С. Исправление ошибок в уголовном судопроизводстве // Законность. 2023. № 4. С. 57–64.

Божьев В. П. П. А. Лупинская о доказывании и принятии решений по уголовным делам // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д. ю. н., профессора Полины Абрамовны Лупинской. М.: Элит, 2011. С. 4–9.

Вицин С. Институт возбуждения дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 54–56.

Волторнист О. А. Трансформация института возвращения уголовного дела прокурору // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4. С. 54–57.

Гаврилов Б. Я. Возврат к институту доследования: за и против // Уголовный процесс. 2005. № 2. С. 28–29.

Кобзарь В. Отказ прокурора от обвинения // Законность. 2001. № 4. С. 24–26.

Козьявин А. А. Теория и практика отправления правосудия по уголовным делам и их оксиологическое противоречие // Мировой судья. 2011. № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Матейкович М. С. Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 26–35.

Смирнов А. В. Состязательные и инквизиционные элементы в современном уголовном процессе постсоветских государств Среднеазиатского региона (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан) // Уголовное судопроизводство. 2012. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Стельмах В. Ю. Возрождение института возвращения судом уголовного дела на доследование: плюсы и минусы // Проблемы оптимизации уголовно-процессуальной деятельности в современных условиях: материалы науч.-практ. конф. (22–23 марта 2024 г.). Екатеринбург, 2024. С. 246.

Трифонова К. А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 27 с.

References

Balakshin V. S. (2014) Institut napravleniya ugovolnykh del dlya proizvodstva dopolnitel'nogo rassledovaniya: argumenty «za» i «protiv» [Institute of referral of criminal cases for the production of additional investigation: arguments «for» and «against»]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 4, pp. 610–618.

Balakshin V. S. (2023) Ispravlenie oshibok v ugovolnom sudoproizvodstve [Correction of errors in criminal proceedings]. In *Zakonnost'*, no. 4, pp. 57–64.

Bozh'ev V. P. (2011) P. A. Lupinskaya o dokazyvanii i prinyatii reshenii po ugovolnym delam [P. A. Lupinskaya on proving and decision-making in criminal cases]. In *Dokazyvanie i prinyatie reshenii v sovremennom ugovolnom sudoproizvodstve: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora Poliny Abramovny Lupinskoi*. Moscow, Elit, pp. 4–9.

Gavrilov B. Ya. (2005) Vozvrat k institutu dosledovaniya: za i protiv [Return to the institute of further investigation: pros and cons]. In *Ugovolnyi protsess*, no. 2, pp. 28–29.

Kobzar' V. (2001) Otkaz prokurora ot obvineniya [Refusal of the prosecutor to charge]. In *Zakonnost'*, no. 4, pp. 24–26.

Kozyavin A. A. (2011) Teoriya i praktika otpravleniya pravosudiya po ugovolnym delam i ikh oksilogicheskoe protivorechie [Theory and practice of administration of justice in criminal cases and their oxyological contradiction]. In *Mirovoi sud'ya*, no. 9, access from SPS «Konsul'tantPlyus».

Mateikov M. S. (2018) Realizatsiya konstitutsionnykh norm i zashchita prav cheloveka v otechestvennom ugovolnom sudoproizvodstve [Implementation of constitutional norms and protection of human rights in domestic criminal proceedings]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 5, pp. 26–35.

Smirnov A. V. (2012) Sostyazatel'nye i inkvizitsionnye elementy v sovremennom ugovolnom protsesse postsovetskikh gosudarstv Sredneaziatskogo regiona (Kazakhstan, Kirgiziya, Tadjikistan, Turkmenistan) [Adversarial and inquisitorial elements in the modern criminal process of the post-Soviet states of the Central Asian region (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan)]. In *Ugovolnoe sudoproizvodstvo*, no. 1, access from SPS «Konsul'tantPlyus».

Stel'makh V. Yu. (2024) Vozrozhdenie instituta vozvrashcheniya sudom ugovolnogo dela na dosledovanie: plyusy i minusy [The revival of the institution of the court's return of a criminal case for further investigation: pros and cons]. In *Problemy optimizatsii ugovolno-protsessual'noi deyatel'nosti v sovremennykh usloviyakh: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (22–23 marta 2024 g.)*. Yekaterinburg, p. 246.

Trifonova K. A. (2012) *Pravovoi institut vozvrashcheniya ugovolnogo dela na dopolnitel'noe rassledovanie: problemy teorii i praktiki: avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk* [The legal Institute for the return of a criminal case for additional investigation: problems of theory and practice: abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Chelyabinsk, 27 p.

Vitsin S. (2003) Institut vobuzhdeniya dela v ugovolnom sudoproizvodstve [Institute of initiation of proceedings in criminal proceedings]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 6, pp. 54–56.

Voltornist O. A. (2014) Transformatsiya instituta vozvrashcheniya ugovolnogo dela prokuroru [Transformation of the institution of returning a criminal case to the prosecutor]. In *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii*, no. 4, pp. 54–57.